

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТЕКСТАМ Э. ФЭРИСА

Элсуорт Фэрис (1874–1953) – американский социолог и социальный психолог, внесший важный вклад в развитие символического интеракционизма. Оставаясь в тени таких гигантов, как Дж.Г. Мид, Ч.Х. Кули, У.А. Томас, Дж. Дьюи и У. Джеймс, он вполне является классиком этого направления, хотя и второго ряда.

Путь в науку начался для него с обучения в Техасском христианском университете. Окончив его в 1894 г., Фэрис в 1897–1904 гг. служил в миссии Заморского христианского миссионерского общества Учеников Христа в Бельгийском Конго. Вернувшись в США, он выбрал академическую карьеру: продолжил учебу (Чикагский университет, 1905–06; Техасский христианский университет, 1907), преподавал в своей альма-матер (1906–1913). В 1914 г. он блистательно защитил докторскую диссертацию в Чикагском университете. После пяти лет неопределенности, связанных с работой в разных учебных заведениях (факультет психологии Чикагского университета и Чикагский институт изящных искусств, 1914–1915; Университет штата Айова, 1915–1918), он занял в 1919 г. место профессора социологии в Чикагском университете, освободившееся после У.А. Томаса. Вся дальнейшая его жизнь была связана с работой на факультете социологии и антропологии этого университета. В 1925 г. Фэрис возглавил факультет, сменив на этом посту А. Смолла. С 1926 по 1936 г. он был также главным редактором «*American Journal of Sociology*». При Фэрисе чикагская социология достигла высшей точки в своем развитии и обрела ту заслуженную славу, которой она пользуется по сей день; при нем же – и во многом благодаря его активному содействию – в 1929 г. из состава факультета выделился отдельный факультет антропологии. Уйдя в 1939 г. в отставку, Фэрис продолжал преподавать, писать, путешествовать (Гватемала, Мексика, Коста-Рика, Бельгийское Конго). В 1937 г. он был избран 27-м президентом Американского социологического общества.

Важнейшие научные вклады Фэриса связаны с развитием социальной психологии, которая рассматривалась в тогдашнем Чикагском университете как важный раздел социологии как специальной науки и из чикагской версии которой вырос символический интеракционизм. Несколько лет Фэрис читал совместно с Мидом (и по его предложению) курс социальной психологии, служивший важным «местом» живой трансляции интеракционистских идей: Фэрис читал вводную часть курса, Мид – «продвинутую» (от них этот курс перешел к Г. Блумеру). Наряду с текстами Дьюи, Джеймса, Мида, Кули и др., курс Фэриса формировал интеракционистскую составляющую в чикагской социологической традиции. В какой-то степени это влияние было в 1920-е гг. даже более значимым, чем устное влияние Мида; по воспоминаниям многих, читаемая Мидом часть курса отнюдь не всем была понятна, и Фэрис был для чикагцев важным источником адаптированных прочтений его идей.

Фэрис не оставил после себя крупных публикаций. Его наследие – это около полусотни статей и очерков. Значительная их часть вошла в сборник «Природа человеческой природы» (1937), единственную его книгу.

Особая роль Фэриса в развитии интеракционизма порождает законный интерес к его наследию. В его статьях можно найти не только облегченные версии ключевых интеракционистских идей, но и вполне оригинальные их трактовки, не находящиеся у других авторов. Мы собираемся опубликовать в журнале несколько его текстов; ранее на русский язык они не переводились.

В этом выпуске публикуется небольшая статья Фэриса, в которой он ввел термин «дописьменные народы». Введение его было одним из шагов к преодолению этноцентричности западных наук о человеке, которое Фэрис считал абсолютно необходимым. Этот текст представляет в первую очередь исторический интерес, но может быть прочитан и как поучительный призыв к очищению нашего мышления от этноцентрических искажений, которое, как видно в ретроспективе, не может быть окончательным и требует постоянных рефлексивных усилий.

В.Г. Николаев

ЭЛСУОРТ ФЭРИС

ДОПИСЬМЕННЫЕ НАРОДЫ: ПРЕДЛОЖЕНИЕ НОВОГО ТЕРМИНА*

Эта небольшая статья 1925 г. важна как документ истории науки. В ней Фэрис вводит для обозначения большой группы незападных народов термин «дописьменные народы», в противовес терминам «дикарские», «примитивные», «естественные народы» и т.п.

This little paper published by E. Faris in 1925 is important as a document of the history of science. The term “preliterate peoples” is first introduced in it for designating the wide group of non-Western peoples, in contrast to such terms as “savage”, “primitive”, “nature peoples” etc.

Ключевые слова: письменность, цивилизация, дописьменные народы.

Keywords: literacy, civilization, preliterate peoples.

Консерватизм в терминологии всегда желателен. Нельзя с легкостью и без разбора вводить в оборот новые слова, ведь это предполагает пустую трату времени и сил, вреда преемственности научной работы. Науку зовут накопленным знанием, и если каждый станет своевольно пользоваться новыми словами, то трудно будет вносить добавления в здание, возведенное нашими предшественниками, и гарантировать, что те, кто за нами последует, извлекут из сделанного нами пользу. В вопросе о термине

Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, доцент социологического факультета Государственного университета «Высшая школа экономики» (Москва). Наш постоянный автор и переводчик. E-mail: vnik1968@yandex.ru.

---

* Faris E. Preliterate Peoples: Proposing a New Term. Впервые статья была опубликована в журнале «American Journal of Sociology». 1925. Vol. 30. № 6. P. 710-712. Перевод сделан по изданию: Faris E. The Nature of Human Nature, and Other Essays in Social Psychology. N.Y.–L.: McGraw-Hill Book Co., 1937. P. 251-253.

для обозначения народов, являющихся предметом этнологических исследований, ощущается, однако, явная нужда в лучшем термине, чем те, которые ныне в ходу.

С некоторых пор в лекциях и семинарах со студентами автор стал пользоваться для обозначения народов *sociétés inférieures*, как называет их Леви-Брюль, термином «дописьменные». Настоящие строки пишутся с целью предложить этот термин ученым, работающим в областях этнологии, социологии и психологии, как более объективное слово по сравнению с ныне используемыми. Этот термин явно предполагается словом «дологическое», употребляемым Леви-Брюлем, и кажется даже более обоснованным, чем это весьма спорное слово. Даже беглый взгляд на работы в этой области ясно обнаруживает потребность в новой терминологии. Голденвейзер недавно отказался даже от попытки провести различие и назвал свою книгу «Ранние цивилизации», рассматривая эскимосов, австралийских аборигенов, народы Центральной Африки и ирокезов как цивилизованных. Такое употребление слова «цивилизация» было раскритиковано как необоснованное расширение его смысла, лишаящее слово «цивилизированные» всякого содержания, ведь и в самом деле если все народы цивилизованные, то понадобится новое слово для указания на огромную разницу в культуре, отделяющую нас с нашей современной традицией от обществ, находимых в Меланезии, Центральной Африке и Гренландии.

Терминология в этой области имеет долгую историю, но нам не нужно вдаваться в ее подробности. Сюда входят, помимо прочего, такие слова, как «языческие», «варварские», «дикарские», «примитивные», «низшие расы», «естественные народы», и некоторые другие. Из этимологии этих слов видно, что они имели объективное происхождение, хотя и обрели содержание, которое этноцентризм сделал уничижительным. Мы знаем, что первоначально «язычник» был просто деревенским жителем или просто жителем равнин, а «дикарь» — всего лишь обитателем лесов. Однако все эти слова приобрели смысл, приведший к постепенному выпадению их из научного оборота. Мы увидим, насколько недавно это произошло, если вспомним название одной из эпохальных статей Дьюи — «Толкование дикарского разума».

В настоящее время шире всего используется слово «примитивный», с помощью которого авторы, от Спенсера до Боаса, в работах, включающих в ряды прочего некоторые ценнейшие образцы нашей литературы, обозначают те народы и культуры, которые я предлагаю называть «дописьменными». Новейшая работа в этой области, книга Леви-Брюля, вышедшая в 1923 г. в английском переводе, называется «Примитивное мышление».

Возражений против термина «примитивный» несколько. Прежде всего он двусмысленный. Был примитивный человек, и относительно него много написано. Его описывают все без исключения мифы; Гоббс, Локк, Руссо и многие другие нарисовали детальные портреты его, как они его понимали. Примитивный человек Гоббса был гипотетическим первобытным существом, существование которого служило исходной посылкой политической теории. Руссо описал еще одного, по характеру совершенно противоположного, но воображаемого. Герберт Спенсер в соответствии с принятой им концепцией, которую мы уже не используем, отождествил ныне существующие народы, обладающие дописьменными культурами, с примитивным (в русскоязычной литературе «первобытным»). — *Прим. пер.*) человеком, и со времен Спенсера это слово широко употреблялось для обозначения банту, полинезийцев, негритосов и вообще всех народов, находящихся вне культурных влияний Европы и Азии.

Не нужно никаких доказательств, чтобы показать, что примитивный человек, в таком его обозначении, на самом деле не является примитивным. Культура этих народов очень стара, их языки сложны и высокоразвиты, а их наследие уходит корнями в далекое прошлое. Сегодня о них часто говорят как о «так называемых примитивных народах».

Слово «дописьменные», видимо, лучше. Оно нейтральное, не содержит никаких коннотаций с неполноценностью и, следовательно, объективное и описательное. К тому же вполне возможно, что введение письменного символического языка – это важнейшая дифференциация в сфере культуры, ограничивающая горожан от тех, кто принадлежит к «низшим обществам». Независимо от того, так это или нет, очевидно, что ни у одного из народов, включаемых в число «диких» и «примитивных», нет развитого письменного языка. Дело не в том, что такие народы не могут научиться читать и писать. Миссионеры и учителя доказали, что письменность для них не невозможна. У них попросту не было возможности ее освоить. Они не грамотные, но и не неграмотные. Они дописьменные.

Итак, дописьменный человек – это человек, в культуре которого нет письменной литературы. Ясно, что в культурном отношении такой человек находится в совершенно иной ситуации, нежели человек *неграмотный*, под которым мы понимаем человека, не могущего прочесть то, что другие члены его общества прочли или могут прочесть.

Интересно было бы попытаться выяснить, какие изменения в культуре вызывает введение письменности. Ведь письменность означает письменное документирование, а документы ушедшего поколения делают возможной преемственность культуры, иным образом невозможную. Письменный народ имеет историю; у дописьменных народов есть только устная традиция. Эта разница аналогична наличию у человека памяти. Потеря памяти означает потерю личности. И что-то вроде приобретения памяти имеет место тогда, когда документы прошлого дают нам невозможную при иных условиях установку в отношении наших предков. Более того, письменные инструменты преодолевают не только время, но и пространство и делают возможной интеграцию обществ в более крупные единицы, внося тем самым в жизнь новое измерение. Неслучайно слово «цивилизация» происходит от слова «город», ведь у дописьменных народов и в самом деле нет городов. У них есть в лучшем случае большие деревни.

Литература берет начало в Египте, и, несмотря на многочисленные различия между цивилизациями Китая, Индии, Греции, Рима, Вавилона и средневековой Европы, нас неизменно впечатляет тот факт, что во всех этих цивилизациях есть много общего, ясно отделяющего их от большой внешней группы, которую мы называем дописьменной.

Современного человека можно отличить по нескольким культурным элементам, но, пожалуй, важнейший среди них – наука, в смысле контроля над природой. Зерна ее мы почерпнули в глубоком прошлом, но полностью она развернулась лишь в нескольких последних поколениях. Математика, объективная наука и гуманизм отличают нас от древних. Письменный язык отличает нас и древних от тех, кто еще не освоил письмо: дописьменных.

Пер. с англ. В.Г. Николаева